

• СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ДЕТЕКТИВ •

≡ ГЕОРГИЙ ПЕРСИКОВ ≡

ДБЛО.О

Сумерках Божь

САМОЕ ВРЕМЯ ЧИТАТЬ РЕТРО!

Старый добрый детектив

Георгий Персиков

Дело о Сумерках богов

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Персиков Г.

Дело о Сумерках богов / Г. Персиков — «Издательство АСТ»,
2015 — (Старый добрый детектив)

ISBN 978-5-17-092505-6

Обычный провинциальный городок Старокузнецк жил тихо-спокойно, пока однажды не случилось ЧП – среди бела дня был похищен сын его сиятельства князя Соколовского. Скандал на всю губернию! Неужто революционная зараза развернула свои демонические крылья не только в столице? Или это дело рук заграничных «шпиенов»? А может быть, побег, замаскированный под похищение? Полиция теряется в догадках и обращается за помощью к местному доктору – прирожденному сыщику и авантюристу Георгию Родину. Логика и блестящий ум Родина всегда помогали ему распутывать самые сложные загадки, вот и на этот раз, потянув за ниточку расследования, доктор выходит на след международной банды, держащей в страхе всю Польшу и приграничные территории. Георгий под видом отдыхающего отправляется в Царство Польское, а преступники тем временем наносят новый удар...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092505-6

© Персиков Г., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Георгий Персиков

Дело о Сумерках богов

*Весло ли галеры средь мрака и льдин,
иль винт рассекает море, —
у Волн, у Времени голос один:
«Горе слабейшему, горе!»*
Строки приписывают Редьярду Киплингу

Издательство благодарит литературного агента Ирину Горюнову за содействие в приобретении прав.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Г. Персиков, 2015

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2015

Часть первая

Глава первая

Вряд ли предки буров (голландцы, французские гугеноты, немцы и датчане, которые почти три века назад сбежали с насиженных мест в далекую и не слишком гостеприимную Африку от притеснений и бедности или, наоборот, искать приключения и лучшую жизнь, наполненную солнцем) могли подумать, что их потомки вместо земли обетованной получат концентрационные лагеря английских завоевателей. Но люди, как известно предполагают, а Бог располагает..

В XVII веке Великобритания уже присоединила богатые индийские земли к своей короне. Но так как морской путь шел через Африку, англичанам был необходим опорный пункт на Черном континенте. Делалось это просто испокон века: принадлежавшая голландцам Капская колония была захвачена и оккупирована, введен государственный английский язык, стала собираться дань. К неграм, по словам помощника российского военного агента в Трансваале капитана фон Зигерн-Корна, белые поселенцы относились спокойно, справедливо и даже добродушно, но в одиночку, без помощи черных слуг такую неплодородную землю не обработаешь. Поэтому, когда по приказу Британии в захваченных землях было отменено рабство, многие буры разорились. Им пришлось бросать свои фермы и бежать от англичан вглубь Африки, за реку Вааль. Там буры создали два государства: Южно-Африканскую республику, более известную как Трансвааль, и Оранжевую республику. И все было хорошо, пока в середине XIX века в долине реки Оранжевая мальчишка-пастух не нашел алмаз в двадцать один карат, а через двадцать лет в Трансваале не обнаружили богатейшие в мире золотоносные месторождения. Охочие до чужих ценностей англичане сразу приняли решение – аннексировать богатые районы Южной Африки.

И теперь небольшой по численности народ фермеров (ведь «буры» с нидерландского переводятся как «крестьяне») вынужден был отбиваться от английских захватчиков. Сотни тысяч англичан высадились на африканский берег, и храбрым бурам ничего не оставалось делать, как развязать партизанскую войну. Но британские каратели заключали сочувствовавшее партизанам мирное население в концлагеря, угоняли скот, жгли фермы и использовали тактику выжженной земли.

Разумеется, многие в Старом Свете вовсе не одобряли жестокого кровопролития на далеком континенте и с радостью отправлялись оказывать помощь угнетаемому народу. В России все поддерживали маленькие, но несломленные республики. Была даже сложена народная песня:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя!
Бур старый говорит:
За кривду Бог накажет вас,
За правду наградит.

Тысячи людей с горячим и чистым сердцем отправились в Африку на помощь храбрым партизанам. Одним из добровольцев был и русский врач Георгий Родин. За недолгое время, что он провел под флагом Красного Креста на выжженных палящим солнцем землях Трансвааля, он снискал славу не только талантливого лекаря, но и честного, храброго молодого человека недюжинной силы и филигранного бойцовского дара. Как буры, так и англичане с придыханием говорили о том, как «русский медведь» одним ударом «s kosacha» (это славянское

слово произносилось с разными акцентами, но непременно с уважением) одолел прославленного боксера-нокаутера Генри Джойса, сломав ему руку и выведя таким образом толкового офицера из строя на несколько недель.

Впрочем, Родину этот поединок принес не только звуки медных труб, но и любовь бурской красавицы Дианы ван Дрейк. Отважная девушка, признанная одним из лучших и опаснейших снайперов-коммандос, попала в госпиталь на попечение эскулапа после неудачной военной операции. А получила не только излечение от ран, но и защиту от неминуемого трибунала. Сам Георгий тоже не смог устоять перед чарами Дианы. Молодые люди на поле брани обрели хрупкое счастье, приправленное адреналином и удивительной свободой взглядов, какая появляется, когда костлявая каждый день дышит в затылок, а то и в лицо.

Их свидания сложно было назвать банальными, ведь как только Диана встала на ноги и покинула больничную койку, она тут же взяла в руки старенькую однозарядную винтовку Пибоди-Мартини. Стрельба доставляла девушке истинное удовольствие. К этому хобби она пристрастилась и возлюбленного. Разумеется, о том, чтобы отстреливать захватчиков речи не шло: Георгий был врачом и на Черном континенте выполнял миссию сугубо гуманитарную. Но о тренировке на мелких птичках и тарелках в клятве Гиппократата ничего не говорилось.

А поучиться у буров было чему! Даже воины прославленной Британской империи, над которой, как известно, солнце никогда не заходит, вынуждены были признать, что «невежественные, тупые, упрямые, нетерпимые, нечистоплотные белые дикари» (так отзывался о бурах Марк Твен), живущие на отшибе мира, намного превзошли представителей туманного Альбиона в тактике ведения скрытого боя. Обладающие деревенской смекалкой и бесстрашные трансваальцы использовали камуфляж, умело маскировались на местности и великолепно стреляли. Есть такая маленькая хитрая птичка бекас, которая летает быстро и по зигзагообразной траектории. Попастись в такую – задача непростая, под силу только «бекаснику», то есть снайперу. Ну а бурам, которые с младых ногтей учились не маршировать строем, а выходили на охоту со слобойкой, это было раз плюнуть. У англичан даже появилось правило, написанное кровью: «От одной спички троим не прикуривать». Пока первый солдат прикуривал папиросу – противник в укрытии обнаруживал свет, прикуривал второй – противник брал упреждение, ну а третий вместе с огоньком получал и летальную дозу свинца.

Георгий был преданным и внимательным учеником, так что через пару месяцев горячих и страстных уроков он легко подстреливал мелких птичек из винтовки и даже револьвера. А традиционное упражнение – подстрелить живого голубя, которого выбрасывали в воздух из специального садка, – он игнорировал: жалко было глупых птичек. А вот охота – это мастерство людей достойных. Впрочем, его следовало развивать и дальше, как и любое умение в этой жизни.

Однажды молодому врачу даже удалось продемонстрировать свое мастерство перед британскими военными. В ту пору близ лагеря Международного комитета Красного Креста с инспекцией находился Фредерик Рассел Бёрнхем. Знаменитый американский писатель-исследователь, прародитель снайперского и скаутского движения, еще двухлетним малышом видевший, как индейские племена сиу сожгли его город, в этом конфликте был на стороне британцев. Уверенный, что Дикий Запад уже покорен, а мужчина без приключений – не мужчина, он перебрался в Африку.

Майор краем глаза увидел, как Родин навскидку расстреливал крохотные глиняные шарики, которые запускал в воздух из особой машины маленький чернокожий мальчик, служивший при госпитале посыльным.

– Скажите мне, мистер Один, – Бёрнхем слегка грассировал, проглатывая «р», отчего вполне русская фамилия становилась похожа на имя древнего скандинавского бога, – неужто в Российской империи даже гражданские так метки?

– Стрельба по швыркам у нас и в самом деле есть в каждом городе... – уклончиво отозвался Родин. Он не хотел рассказывать о Диане, чтобы не навлечь на нее дополнительную опасность.

– Да, но там стреляют по «глиняным голубям» – тарелочкам! Или по трехдюймовым шарам с восемнадцатью ярдов!

Глава разведчиков британских войск протер глаза и укусил себя за пшеничный ус. Русский доктор разбивал полуторадоймовые шарики, как минимум, с сорока ярдов!

– Учусть по обстановке, – без улыбки ответил эскулап. Хотя он восхищался храбростью Бёрнхема и был наслышан о его меткости, любезничать с врагом было глупо.

– Да, обстановочка не из легких, – майор поднял на собеседника свои пронзительные серо-голубые глаза. – Но оно, может, и к лучшему. Эта война нас многому научит. И в первую очередь тому, что тот, кто стреляет и отходит, живет, чтобы стрелять и на следующий день. Вот мои бойцы, шотландцы из хайлендерского полка, «разведчики Ловата»... наверное, слышали?

Родин кивнул. Как раз кто-то из разведчиков Ловата и ранил его Диану.

– Так вот, они, по сути, наполовину волки, наполовину зайцы: четко знают, когда искушать судьбу, нападая, а когда и удрать не грех.

С этими словами Бёрнхем самодовольно усмехнулся. Георгий вздохнул. Почему каждый раз, когда какая-нибудь нация обретает могущество, вместо того чтобы делать мир лучше, помогать соседям, нести умное, доброе, вечное, норовит всех вокруг подмять под себя, забрать у противников лучшее, чтобы потом обрушить на них новые знания и всю мощь...

Все-таки как же замечательно, что у России нет колоний, да и все наши земли мы взяли не только огнем и мечом, но и верой и правдой, и нет у нас на окраинах междуусобиц и ненависти к великоросам, и не приходится ему, человеку образованному, краснеть за родную землю перед цивилизованным миром.

Впрочем, англичане тоже особо краснеть не собирались: они просто брали чужое по праву сильного, да еще и насмехались над побежденными.

Через пару дней некое снисхождение к британцам, которое бывает у человека, осознающего свое моральное превосходство над другими, у Родина уступило место настоящей неприязни. Горделивый, но не злобный американец Бёрнхем уехал, а вместо него прискакал отставной адмирал, лорд шотландского парламента Эдвард Гленерван. Старый вояка, теоретик военного мастерства, последователь Лао-Цзы и Клаузевица, один из основоположников моднейшей в те годы енгеники, прибыл на огневые рубежи учить славный хайлендерский полк новой, «бурской» тактике...

Отношения между лордом и Родиным не сложились. Высокомерный британец всех вокруг себя считал чем-то вроде грязи, прилипшей к его блестящему имперскому сапогу. Правда, англичан, как и положено горцу, он тоже ненавидел, но чуть меньше, чем все прочее население земли.

В первый же день, на ужине командования, куда были приглашены и представители Международного Красного Креста, лорд Гленерван произнес долгий и пространный тост о превосходстве одних людей над остальными. Он говорил с такой непоколебимой уверенностью и с таким мастерским красноречием, что в комнате не нашлось никого, кто смог бы ему возразить. Этот тост Георгий слушал с плохо скрываемым раздражением, но все же из уважения к «хозяину дома» помалкивал. Но после того, как лорд подкрепил свои слова модными стихами про бремя белого человека и тупую толпу то дьяволов, то детей, русский не выдержал и поднялся из-за стола.

– Сэр, вы процитировали отрывок из произведения вашего великого поэта Редьярда Киплинга. Талантливый, и много более одаренный, и, не побоюсь этого слова, мудрый, чем все, кто сидит за этим столом. Но почему же вы не продолжите? Ведь бремя белого человека – это не трон, а труд! Не думаю, что Киплинг подразумевал тактику выжженной земли, когда

творил свои стихи. Лечить, учить, строить, воспитывать недоразвитые племена, любить, а не уничтожать!

– Мистер... э-э-э, – адмирал злобно глянул на доктора, – а кто вы вообще такой?! Может, вам недостаточно знаний великого английского языка, чтобы уразуметь всю мощь этого текста? Я слышу у вас чудовищный акцент... В любом случае, вы просто не осознаете, как важна миссия Британской империи, владычицы морей, королевы мира!

Лорд так распалился, что начал подкреплять свою речь жестами, отчего вино из поднятого им бокала стало брызгать на соседей кровавым дождем. Дело непременно дошло бы и до дуэли, но на помощь Гленервану пришел командир гарнизона, который уже потерял своего младшего офицера от его столкновения с русским доктором, мастером бокса и меткой стрельбы, и вовсе не собирался отправлять в лазарет целого адмирала, хоть и в отставке.

Впрочем, конфликт хоть и был погашен, вовсе не был исчерпан.

Прошла неделя, во время которой неподалеку от лагеря Красного Креста шли ожесточенные бои. Раненые поступали с обеих сторон, но Родин принципиально брал под свою опеку только буров. Да, это было неправильно, но английские врачи на совесть лечили исключительно своих, а буров подобным отношением скорее добивали.

Возмущенный таким разделением не в пользу британцев, Гленерван решил вразумить эскулапа, талантливее которого в лазарете не было. Но из любого правила есть исключения, решил лорд и схватил Георгия за рукав халата крепкими как сталь руками, когда тот, обессилев, выходил с очередной операции.

– Мистер Родин, вот вы где!

«Надо же, – мелькнуло в усталом мозгу врача, – фамилию мою выучил... Что же этому индюку от меня нужно?»

Георгий насупился, он не имел ни малейшего желания помогать высокомерному лорду. А тот, будто не замечая реакции собеседника, продолжил:

– Надо бы нам поговорить, познакомиться. Мне кажется, мы друг друга неправильно поняли на том злополучном ужине...

– Возможно, – дипломатично отозвался Георгий. Он уже прекрасно понимал, что ничего хорошего эта беседа им обоим не принесет.

– Вы, как человек образованный, должны понимать, – начал вкрадчиво Гленерван, – что люди по природе своей не равны. Вы же не будете отрицать, что не готовы встать на одну ступеньку с каким-нибудь дикарем, пусть и белым, родившимся в хлеву, прожившим в этом же хлеву всю жизнь и в нем же и умершим! Вы учились, много трудились, а он...

Лорд с отвращением плюнул на землю, как безродный пропойца из Ист-Энда, но тут же опомнился и вернулся к аристократической обходительности.

– И не мне вам рассказывать, что мы, люди более... способные, должны нести в темный мир просвещение, должны делать человека лучше! Вы знакомы с трудами Фрэнсиса Гальтона? Честно признаться, я и сам ученый, приложил руку к паре его трактатов, научно-популярных, так сказать, – он улыбнулся, щегольски подкрутив свой седой ус, и подмигнул Родину.

Впрочем, Георгий его игривого настроения не разделил. С трудами упомянутого профессора он познакомился еще в университете, когда изучал теорию Чарльза Дарвина о происхождении видов. Статья Гальтона, двоюродного брата исследователя, попала на глаза случайно, и юный студент решил прочесть и ее. Сэр Фрэнсис, англичанин из прославленной семьи ученых и литераторов, имеющий различные награды за свои изыскания, представил миру новую теорию человеческой селекции или, как он сам ее красиво назвал, «евгеники». Суть ее можно описать одной фразой: как получить идеального человека. Весь научный мир сразу же раскололся на два лагеря: одни предлагали просто избавлять общество от «некачественного» человеческого материала. Однако большинство, и к ним примыкал Гленерван, варварских методов не разделяли, выступая за евгенику позитивную, ставя себе задачей улучшение породы за счет

скрещивания людей, имеющих полезные качества. Говоря ненаучным языком, сильные, умные и красивые должны жить в счастье и довольствии, рожать детей от подобных себе, всячески развиваться, а все остальные... Бог им в помощь, главное, чтобы обеспечивали избранных всеми благами.

Благородный, казалось бы, порыв ученого избавить мир от наследственных болезней, психических и физических уродств и всех несчастий, который из этого вытекал, быстро начал мутировать. И вот уже сам Гальтон начал утверждать, что из одних людей «сверхчеловеки» получатся намного быстрее, чем из других. Более того, он начал пропагандировать евгенику как часть национальной идеи, что-то вроде новой религии, которая (в его мозгу, разумеется) утверждала британцев как истинных господ мира на основании «лучшей наследственности». На вершине пирамиды подданных Британской империи, естественно, стояли шотландцы, а среди них были, конечно, аристократы. Бурам места в этой картине не было вообще: ведь на их земле нашли золото и алмазы!

– Знаете, Гленерван, – позволил себе фамильярность Родин, который вдруг вспомнил локоны Дианы и моментально вышел из себя, отчего и заговорил в несвойственной ему манере пропагандиста, – может, в Британии и привыкли делить людей по происхождению или «по породе», но на моей родине одного подданного государя от другого отличают качества, умения, сила мысли. Мы ценим людей за то, какими они выросли и какую пользу принесли обществу. Но если вы не понимаете этого, то в моей, – это слово он произнес с нажимом, – стране вы были бы не на верхушке этой вашей иерархической лестницы, а у самого ее подножья!

Разумеется, Георгий кривил душой, и среди русских было достаточно дураков, которые цеплялись за происхождение или купленные титулы, выпрашивали себе лучшие документы, грабили и жгли, воровали и насиловали, но никто и помыслить не мог о том, чтобы превозносить это как благодетель или кичиться подобными взглядами.

После слов Родин лорд покраснел пуще вареного рака, казалось, еще немного, и он засвистит и у него повалит дым из ушей. Британская сдержанность улетучилась, уступив место ярости горца.

– Вы! Вы нанесли оскорбление первой степени!¹ Мне лично и представителю виднейшей в империи фамилии! Я мог бы вас убить на месте, и все бы меня оправдали, но я не трус! Более того, я докажу вам, что англичане намного превосходят остальных по праву рождения! Я вызываю вас! И никаких пистолетов... О да, я слышал, что вы спутались с местной дикаркой и она обучила вас грязным приемчикам. Но нас рассудит честный бой. Мы будем драться... на рапирах... Я надеюсь, вы обучены фехтованию? Или это искусство аристократов не далось простому тоуџик? – добавил он с ехидцей.

– Я немного фехтую, – лаконично парировал Георгий, а затем развернулся на каблуках и отправился обратно в медицинскую палатку: его время, запланированное на перекур, занял вздорный британец, а больные дольше ждать не могли.

– Я хочу чтобы мои соотечественники присутствовали на этом поединке! – кричал лорд вслед врачу. – Тогда вы или ваши дружки не нанесете мне удар в спину!

– Приводите хоть всех, – ответил Георгий, захлопывая за собой дверь.

Хорошим тоном считалось не превращать дуэль в поединок на арене Колизея, но лорд решил проучить вздорного русского на виду у сотен англичан, чтобы поднять их боевой дух.

¹ Согласно Дуэльному кодексу, это оскорбление словом, направленное, главным образом, против самолюбия оскорбленного и не затрагивающее доброго имени и репутации. Например, таковыми являются оскорбительные или язвительные выражения, затрагивающие малозначительные черты личности, внешний вид, манеру одеваться, незнакомство с каким-либо предметом.

* * *

Тем же вечером Георгий встретился с Дианой. Свидание проходило за пределами лагеря Красного Креста, в укреплении буров.

– О, мой храбрый Жоржи! – пропела девушка, прижимаясь к Родину на узкой жесткой койке, устланной свежескошенным сеном. – Расскажи мне, что тебя печалит! Ты... отстранен! Ты словно не со мной! И глаза твои стали холодными, как твоя далекая снежная Россия, в которую ты обязательно уедешь и не возьмешь меня с собой! Может, ты вспоминаешь о своей далекой возлюбленной, прекрасной русской скромнице с косой до пояса?

Георгий провел рукой по лицу Дианы, убирая прочь темные пряди густых длинных волос. Он не хотел ее беспокоить, на долю этой юной красавицы и так выпало слишком много потрясений. Но как же ей тогда сказать, что завтра в полдень он может быть убит? Смерти он не страшился, да и пожил уже немало, перевалило за второй десяток, нормальный возраст для храброго мужчины. Жаль, что смерть эта могла быть унижительной и на землю могли упасть не только сам Родин, но и русская честь, которой он дорожил куда больше жизни.

– Друг мой, голубка моя, – наконец ласково проговорил Георгий, – как же я рад, что судьба подарила мне тебя, пусть и при столь печальных обстоятельствах. И как же я могу быть отстранен, когда я здесь и весь твой? Печалит меня, но только самую малость, что из-за одного самодура завтра мне придется участвовать в турнире...

– В каком турнире? – Глаза Дианы мгновенно загорелись хищным огнем.

– О, пустяки, я буду драться на рапирах с одним... плохим человеком. – Родин тактично опустил ругательство, которое пришло ему на ум.

– Ах, – девушка закрыла рот ладонью, чтобы оттуда не вырвалось стоны, – это ужасно! Скажи мне, счастье мое, ты ведь лучший воин во всей далекой снежной России?! Ты ведь без труда одолеешь кого угодно?!

– Ну, – протянул Георгий, – фехтую я порядочно, ходил в университете на тренировки. Да и дед кое-чему учил – палочный бой, сабля, шашка... Не пугайся, родная, это все мужские забавы...

– Я непременно приду на тебя посмотреть! Прокрадусь, спрячусь, что угодно сделаю, но посмотрю, как ты проучишь своего врага!

С этими словами девушка впиалась страстным поцелуем в губы возлюбленного.

Еще утром Георгий был не на шутку взволнован из-за Дианы: как он ни отговаривал гордую представительницу племени буров не рисковать, как ни осыпал ее поцелуями, умоляя не попадаться на глаза солдатам, он знал, что упрямца все равно сделает по-своему. Однако к полудню стало ясно, что в лагере готовы даже к тому, что вся вражеская армия ввалится прямо на центральный плац перед флагштоком с красным крестом: так все ждали будущий поединок. Каким-то образом о дуэли узнали даже пленные и раненые. Последние, кстати, поминутно хватили своего лекаря за рукав, желая удачи. Кое-кто даже делал ставки: буры были на стороне Георгия, а вот англичане поддерживали лорда, даже если в душе разделяли взгляды русского доктора.

Плац местом дуэли назначил сам Гленерван, видимо, чтобы как можно больше зевак увидели его молниеносную и блистательную победу. Впрочем, Родин так легко сдаваться не собирался. Более того, он решил немного подыграть шотландцу: нарядился в простые штаны, сапоги и косоворотку, которая непонятно каким образом попала в его небольшой багаж (видно, на удачу положила няня – Клавдия Васильевна) и все это время, очевидно, поджидала своего часа. Гленерван же, напротив, вырядился в парадный мундир и на африканской жары (пусть даже и в раннее утро) смотрелся даже более карикатурно, чем Георгий.

Сажень в пяти от плаца растянули бечевку, ограничивающую напор зрителей. Буры и англичане расположились друг против друга, как болельщики на спортивных состязаниях. Более того, некоторые даже дружелюбно приветствовали друг друга – знамя Красного Креста словно оставило все противоречия за воротами лагеря. Странно, но это зрелище на некоторое время несколько примирило соперников.

Начали по Дуэльному кодексу. Распорядитель-немец предложил дуэлянтам помириться, оба вежливо отказались. Секунданты сравнили рапиры и предложили их соперникам. Те выбрали оружие и разошлись по разным концам дорожки. Затем, поклонившись, поприветствовали друг друга, опустив рапиры, и по лихому свистку секунданта начали бой.

Георгий сперва собирался рвануть в схватку как разъяренный бык, но, решив, что его противник этого и ждет, стал двигаться вперед короткими шажками, убрав левую руку за спину.

Первый выпад был за лордом: он нанес удар снизу в кисть. Этот удар многие сочли бы запрещенным, но Родин был знаком не только со спортивным, но и реальным боем, он ловко отбил клинок и контратаковал противника в грудь. Батман² был сильным, но лорд парировал удар и нанес укол в бедро Родина.

Гленерван фехтовал умело, но, как и предвидел Георгий, грязно, его выпады все как один были с финтами, в руки или ноги. Наверное, без свидетелей он не побрезговал бы и подножку подставить. Родин защищался попроще, без изысков, полагаясь скорее на тактику и скорость, чем на мастерство. Он быстро смекнул, что слабость лорда вовсе не в том, как тот отражает удары, а в том, что Гленерван просто-напросто недооценивает противника и из-за этого допускает глупые, почти ученические ошибки.

Раз! И рапира Георгия с закрытым острием задела рукав Гленервана. Еще выпад – и металл свистнул над самым ухом лорда. Ловкий маневр (не ожидал вояка от врача-здоровяка такой прыти), отступление и... оружие было выбито из рук Родина. Зрители ахнули. Неужели победа за высокомерным англичанишкой?! Но каким-то инстинктивным, почти невидимым движением Родин поймал оружие на лету левой рукой и в мгновение ока перешел в атаку на сбитого с толку оппонента. Несколько удачных приемов – откуда-то из простецкого боя на палках, а не утонченного фехтования. Финальный выпад и... кончик рапиры Георгия уткнулся в кроваво-красный мундир.

– Сдавайтесь! – звонким голосом сказал Родин.

– Черт вас побери, – прокрипел зубами лорд. – Сдаюсь, вы победили. Мы умеем побеждать, умеем и проигрывать! – и он в ярости швырнул свою рапиру на землю, развернулся на каблуках и пошел прочь.

Английские солдаты «на трибунах» замерли в молчании, даже медлительные буры растерялись, лишь один звонкий голос первым восславил победу «русского медведя». Сладкий голос голландской мадонны Дианы ван Дрейк:

– Жоржи! Жоржи!

Вдруг чья-то рука ласково потрепала его по плечу:

– Енюша! Енюша! Опять ты кричишь во сне! Просыпайся!

² В фехтовании удар по клинку противника.

Глава вторая

*Май 19** г.*

г. Старокузнецк

Старокузнецк располагался в Среднем Поволжье, примерно в тысяче верст от Москвы. Название городу дали кузнецы – люди работающие, любящие огонь и железо, сабли и пушки. Именно они и основали этот населенный пункт лет триста назад посреди мордовских лесов, чтобы устроить прочный заслон от набегов кочевников – кубанцев и ногайцев. Со временем небольшой острог вырос до губернского центра с семидесятитысячным населением, чуть меньше чем Пенза, Саратов или Рязань.

Еще в XVIII столетии Старокузнецк занимался в основном торговлей хлебом и винокурением. Земля тут была плодородная, жирные черноземы, что впору на булку намазывать, неурожаи бывали редко. Сам город и губерния получили высочайше утвержденный герб – в зеленом поле скрещенные алебарда с молотом на фоне пшеничного снопа, – «означающий знатное земледелие здешней земли, трудолюбие местных жителей и отвагу людей служилых».

Всем известно, что истинное благосостояние города определяется не количеством увеселительных заведений или питейных мест, а, напротив, гимназиями, храмами и больницами. Так вот, в конце XIX века в Старокузнецке действовали губернский университет, триста с лишним церковно-приходских и воскресных школ, пятьдесят народных (вместе с женскими) училищ, губернская гимназия, реальное училище, духовная семинария, а также медицинское училище и всероссийски известное училище садоводства. Был городской театр, в котором служили целых три труппы с разными репертуарами, и десять частных театров, губернаторский симфонический оркестр (лучший в Поволжье), старейший цирк, принадлежащий русским антрепренерам Головановым, и, конечно, великолепный краеведческий музей при университете.

Любой житель Старокузнецка мог получить медицинскую помощь в великолепной, недавно выстроенной губернской земской больнице на двести коек с родильно-гинекологическим, инфекционным, глазным, амбулаторным и психиатрическим отделениями. При ней работали аптека, фельдшерские курсы и школа повитух. Главным врачом служил доктор медицины Андрей Юсупов. Штат тоже внушал уважение даже у столичных эскулапов: десять врачей, двенадцать фельдшеров, пятнадцать сестер милосердия и пять акушерок.

Надо заметить, что принимали больных и десятки частных городских и земских врачей. Одним из самых востребованных был Георгий Родин, которого неоднократно приглашали служить в губернскую больницу, тем более что Андрей Юсупов был его однокашником и приятелем по медицинскому институту. Более того, лица обоих украшали шрамы от рапир друг друга со времен славных студенческих дуэлей.

– Ты ж куда талантливей меня, Георгий! Ну что ты киснешь в своей частной практике, ты же врач от Бога! Жалованье у нас, конечно, не больно высокое, но тебе аптека, что от батюшки досталась, доход приносит! А ты у себя возишься со старыми девами да с ревматиками... А тебе впору ставить диагнозы, оперировать...

– Ответственность слишком высока, – отвечал Родин. – Мой свободолюбивый характер не позволяет брать ее на себя. Например, мне захочется сорваться и уехать туда, куда зовет вольный дух искателя приключений!

– Ох, Георгий... ну ты хоть не откажешь старому другу, если я попрошу тебя по-товарищески? – Юсупов поскреб затылок совсем уж по-крестьянски.

– Конечно, не откажу, если эта просьба не противоречит моим убеждениям.

– никоим образом. Просто, коли уж меня назначили главным врачом нашей главной больницы, мне будет нужна твоя помощь... Ты же талантливей меня... Я, может, поднаторел в этих бюрократических кунштюках, но чутья у меня нет... И вряд ли будет...

Родин подошел к товарищу и крепко пожал ему руку.

– Конечно, Андрюша! Для меня будет величайшая честь нести добро в этот мир. Давай договоримся так. Каждый вторник я буду приходить в твою больницу, да-да, теперь она твоя, и даже не спорь... и буду работать бесплатно, только ради удовольствия и клятвы Гиппократата. И ежели вдруг привезут тебе сложного пациента, то можешь рассчитывать на меня в любое время дня и ночи!

* * *

По коридору больницы шел быстрым шагом молодой крепыш плотного сложения, одетый в просторный сюртук табачного цвета с бархатными боками, жилет из кремового манчестера и серые клетчатые брюки, тоже широкие и просторные. Лицо у него было красивое, гладко выбритое, обрамленное небольшими бачками и непослушным русым вихром надо лбом. Выглядел врач лет на двадцать пять, может, чуть больше. Его желто-зеленые глаза были цепкими, даже хищными. Это были глаза человека, видевшего опасность и даже саму смерть, но не боявшегося ее.

– Сердечно рад видеть, Георгий Иванович, – отдал Родину честь двумя пальцами Андрей Юсупов. – Прими привет от старого шпака.

Они крепко пожали друг другу руки и пошли, размахивая полами белых халатов, как ангелы – крыльями, притягивая простодушные улыбки и радостные приветствия пациентов. Всех – как выздоравливающих, совершающих моцион по светлому больничному коридору, так и лежачих, с макушки до пят перебинтованных и загипсованных, – радовали эти сильные, здоровые, энергичные молодые мужчины. По совести говоря, большая часть этих улыбок была адресована Родину – его открытое лицо, пружинистая походка, пронзительный взгляд много видавшего и все понимающего человека мгновенно располагали к нему кого угодно, будь то знатный гражданин с королевской подагрой или застиранный мужик, получивший удар в брюхо вилами.

Хотя более всего женщины не обделяли вниманием молодого, красивого доктора с глазами, в которых плескалось что-то жесткое и даже опасное, но вместе с тем весьма притягательное...

Одна из таких птиц (увы, это была не прелестная сойка или горлица, а скорее сорока, если не сказать ворона), угодивших в клетку родинского обаяния, собиралась завтра явиться к нему домой на прием. Хотя мысль об этом никаких телесных, а тем более душевных шевелений у Георгия не вызывала. Старая дева Елизавета Николаевна Сечина-Ледянская, мнящая себя любвеобильной поэтессой, давно обхаживала самого завидного старокузнецкого холостяка, но методы выбирала чересчур дерзкие и тем только отпугивала. Впрочем, до визита экзальтированной прелестницы было еще далеко, а покамест можно и по юсуповским пациентам пройтись, быть может, повезет на интересное дело.

– Тут третьего дня бабу к нам доставили с прелюбопытнейшими симптомами. Может, ты сумеешь понять, что ее терзает? – осторожно начал Юсупов.

Глаза у Родина засверкали.

– На что жалуется?

– На «палящие» боли в кишках, которые подозрительно быстро уходят после злоупотребления штофом водки...

– Неужто! – ответил Родин, уже догадываясь, от чего коллеге придется лечить «сложную» пациентку.

– Не веришь? Расспроси ее сам! – Юсупов с должным пафосом распахнул перед входящим врачом дверь палаты и указал на койку возле окна. Там громоздилась куча цветастой ветоши, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся дородной бабой, из тех, что могла и коня

и дом, как водится в русских глубинках. Пациентка поднялась на локте и взглянула на своих спасителей с болью во взгляде и при этом с какой-то странной стыдливостью.

– Ну-с, что тут у нас, голубушка? – ласково спросил Родин.

– Ох, мой бог, болит мой бок! – в рифму, как бывалая былинница, отвечала баба. – Лет пять уже как. Кишки закручивает, будто сам черт раскаленной кочергой шурудит. Так болит, что невсутерпь. Одно винцо помогает, пью его, родимое, пью, кишки-то и укладываются по местам...

– Лет пять?! Что ж вы раньше-то не приходили, душа моя?

– Так раньше-то ненадобно было, пила и пила себе. А теперича выпилась из ума, старая – после шкалика на блуд тянет, мочи нет. Была мужнина жена, а стала развратница, каких свет не видывал. Хлопну рюмашку и ну по кабакам бегать, юбки задрав. Сты-ы-ы-ыдно, – забасила баба и уткнулась сизой физиономией в подушку. – Уж и муж сперва учил уму-разуму, а потом рукой махнул!

– Что вы, душенька, рано убиваться. Расскажите мне прежде, как у вас с аппетитом дело обстоит?

– Ой, милоч, хорошо обстоит! Что вижу, то и кушаю. Картофельную похлебку да пирог с репой, потом ватрушку, еще кулиш и локшину с салом, гречневые лепешки... И это все на завтрак, а на обед...

– Погодите с обедом. Упадок сил ощущаете?

– Ищо как! Упадок и есть. Сколько ни съем, а потом все одно сяду и сижусь, сижусь, сижусь...

– А живете-то где, матушка? На Хопре аль на Суре?

– На Пензятке, родимый, – баба почесала нос, напоминающий спелый баклажан. – До Хопра-то нам далече.

– А муж-то рыбалит?

– Как не рыбалить, батюшка. У нас на селе все рыбалят, и мужики, и ребятишки малые, и бабы. Я и сама грешным делом...

Тут Родин подмигнул Юсупову, и они вышли в коридор, оставив растерянную бабу ждать вердикта.

– Прошу любить и жаловать, коллега, – это солитер! – торжественно провозгласил Родин. – Лентец какой-нибудь, скорее всего. Местный народ выловленную на Пензятке рыбу не привык высушивать до ржавчины, солит ее скромно, таким манером, чтобы оставалась мягкая и жирная. Получается чрезвычайно вкусно, но потом у некоторых кишки шевелятся и «палящие» боли обнаруживаются. Эти лентецы до двадцати аршин могут достигать. Когда бодрствуют – борются со своим носителем за каждый кусочек пищи, отсюда и жор, и упадок сил: сколько ни ешь, а тебе ничего не достается. А если солитера водкой окропить, то он, разморенный и сытый, засыпает. Боль и уходит...

– Георгий, ты говоришь, что такое часто происходит... Тогда позволь спросить, почему же у нас совсем не бывает пациентов с гельминтами?

– Потому что простой народ привык со своими невзгодами по-простому и справляться. Некоторые крестьяне пытаются солитеров на блюдечко молока выманить, но это порочная и малоэффективная практика. Тебе же пациентка попала ответственная, к телу своему относится с уважением и хочет лечиться по науке. Дальше, полагаю, ты сам справишься. Благо для изгнания гельминтов современная медицина придумала множество действенных средств, начиная с пасты из тыквенных семечек и заканчивая чесночной настойкой натошак. Есть еще сложные случаи на сегодня?

– Пожалуй, что и нет, – задумчиво промолвил Юсупов.

– Оно и хорошо, пусть люди меньше болеют.

– Может, и хорошо, но предчувствия у меня прямо противоположные, беспокойно как-то... Думается мне, это лишь затишье перед бурей. Вон и сыщик Торопков приходил, твой

старый друг, жаловался на головные боли. Говорит, загрузили его работой так, что ни на что больше времени не остается. Только болеть головой да сердцем.

– А у меня, друг мой, голова кругом идет от Елизаветы Сечиной-Ледянской. Поэтесса оказалась столь терпелива и упорна, что решила подключить тяжелую артиллерию. Заявила, что явится завтра ко мне на прием по причине болезни, неизвестной еще медицинской науке. Скорее всего вымышленной.

– И какая тебе охота с ней связываться? С такими женщинами не сладишь, у них семь пятниц на неделе и восьмая тоже пятница, – хохотнул Юсупов, направляясь в сторону своего кабинета. – Сегодня она – богиня поэзии, а завтра – капризная девочка с бантиками. Впрочем, ты у нас муж благородный. Найдешь, чем даму утешить. Ну, ступай. И спасибо за солитера! Может, придешь еще ко мне под крыло?

Родин ухмыльнулся, покачав головой, проворно сбежал по ступенькам и запрыгнул в коляску. По дороге долго думал про мадам Ледянскую. Голос с хрипотцой, низкий и приятный, а сама какая-то вся угловатая, нескладная. Одевается в черное, что только подчеркивает ее изможденную худобу, а выдающую возраст шею прячет под затейливым разноцветным боа.

«Что же ее может беспокоить? Снова депрессия, если только она всерьез заболела, а не просто внимание привлекает, – думал он, поймав себя на мысли, что ему почему-то стало ее немного жаль. – Судя по резким сменам настроения и густой вуали, под которой без труда угадываются красные от слез глаза, дело может быть в кокаиновой зависимости или мигренях. Впрочем, одно другого не исключает. Как непросто, должно быть, ходить в старых девах: душа еще цветет, как яблонька по весне, а тело уже огорчает первыми признаками старения...»

Родин еще посокрушался немного по слегка навязчивой и, по-видимому, очень несчастной Елизавете и принял решение оказать ей самый теплый прием, задействовав все свои душевные и профессиональные ресурсы.

Глава третья

Раннее утреннее солнце заглядывало в высокие окна докторского дома. Родин, усевшись за свой стол и изучая список дел на день, допивал ароматный кофе. Сегодня к нему записалась на прием Ледянская – причем время ей было назначено непривычно раннее. Родин хмыкнул.

Елизавета Николаевна Ледянская была известной в Старокузнецке персоной. Уже не юная, зато с возрастом не просто узнавшая, а сама назначившая себе цену дама была местной поэтессой. Модные веяния доходили и до глухой провинции, поэтому Ледянская была в курсе всех последних тенденций и ваяла свой образ и стихи в соответствии с ними.

Последние несколько лет, после долгого увлечения темой тяжелой крестьянской жизни, закрепощенности простых женщин и освобождения простого народа от гнета тяжелой работы, поэтесса из демократки суфражистского толка эволюционировала в романтическую даму с примесью модного декаданса.

Теперь она вздыхала по рыцарским романам, одевалась в подчеркивающие ее в чем-то даже болезненную худобу платья, рассуждала о трагической судьбе женщины, склонной к тонким чувствам, страдала о несовершенстве, подлости и низости окружающего мира, а также интриговала весь город стихами о некоей запретной и тайной любви.

Родин, исходя из общей картины, подозревал у нее алкогольную зависимость. Но внешность Елизаветы Николаевны была, стоило признать, более чем эффектной. Высокая, тонкая, с большими драматическими серыми глазами и длинными каштановыми волосами, уложенными на греческий манер, она умела показать себя. Особенно хорошо она владела актерским искусством и, выступая в салонах со своими стихами, неизменно вызывала взволнованные чувства у мужчин и зависть у женщин. Немудрено, что такая персона была одной из любимых героинь слухов Старокузнецка.

Ледянской было назначено на десять часов. Родин взглянул на часы, вздохнул и перешел в рабочий кабинет.

С опозданием на двадцать минут (приходить вовремя женщине, к тому же поэтессе, считалось и вовсе зазорным) Елизавета Николаевна появилась у дверей его кабинета.

– Доброе утро! – поздоровался Родин, поклонившись. Ледянская, по новой моде коротко кивнув, ответила:

– Чудесное утро! В нем есть тонкость начала жизни дня и печаль его увядания. Правда, в последнее время я слишком рано встаю. Знаете, не могу уснуть, страдаю от бессонницы. . .

Родин предложил гостье присесть и отведать кофе. Ледянская согласилась. Георгий позвонил и попросил горничную принести кофейник, воды и каких-нибудь сладостей полегче. Судя по настроению поэтессы, она была расположена к долгому разговору, вероятно, с падениями в обморок и другими красивыми жестами, потому было бы лучше ее сперва немного накормить.

– Ну что же, Елизавета Николаевна, как ваши дела? Что вас беспокоит? Рассказывайте все, не бойтесь, ведь я же врач, – улыбнулся Родин.

Ледянская кокетливо взглянула на него исподлобья, повернулась вполоборота и, периодически посматривая на врача в особенно важных моментах, начала рассказ:

– Знаете, Родин, в последнее время я себя чувствую совершенно кошмарно. Нет, правда, я даже не помню, когда мне было бы хуже! Я страдаю бессонницей. Каждую ночь не могу заснуть, весь вечер в голову лезут разные мысли. . . – она бросила взгляд на доктора. – Потом, едва заснув, тут же просыпаюсь от мигреней. Господи, какие страшные мигрени! Мне кажется, что моя голова просто разваливается на сотни маленьких кусочков, каждый из которых болит и тоже раскалывается! – поэтесса заломила руки в жесте, показывающем эту картину. – И до

обеда я страдаю, а затем еще полдня мучаюсь оттого, что хочется спать и совсем не хочется жить! Невозможно!..

– Так-так... – пробормотал Родин. – А когда это началось?

– Несколько месяцев назад. Я не могла уснуть две ночи подряд и два дня мучилась головной болью. И, как назло, я выезжала... неважно куда, – добавила она, явно рассчитывая заинтриговать, но Георгий не отреагировал, продолжая делать неразборчивые пометки в блокноте. – Я пошла к первому попавшемуся аптекарю, я уже не знала, что делать, я готова была хоть из окна бросаться, лишь бы не болела голова. Он мне дал унцию кокаина, и мне немного помогло. Потом вроде бы все прекратилось, порошок помогал, но мигрени все равно возвращались. Сейчас без кокаина я вообще не могу существовать на этом свете. Это такая беда!.. Я не могу ни писать, ни читать, ничего!.. Помогите мне, доктор!

Ледянская несколько увлеклась и схватила Родина за руку. Тот нежно, но уверенно ее отнял.

– Успокойтесь, Елизавета Николаевна, все будет хорошо. Так, я уже немного понимаю вашу ситуацию. Выпейте воды, – он протянул ей стакан, – отсчитайте пятнадцать глубоких вдохов. Расслабьтесь, посмотрите в окно.

Ледянская в точности выполнила указания доктора.

– Теперь дайте мне вашу руку.

Родин измерил пульс. Он был вполне умеренным.

– Ну, Елизавета Николаевна, у меня есть некоторые подозрения. Как часто вы употребляете кокаин?

– Практически постоянно. Иначе моя голова не дает мне даже подумать.

– Понятно. Я сейчас скажу пугающую вещь, но вам нужно будет отказаться от кокаина.

– Как же так?.. – Ледянская сверкнула глазами на Родина.

– Мне кажется, у вас могла развиться зависимость от лекарства. Я вам сейчас выпишу рецепт – есть отличные заменяющие средства. И режим. Придется вам недельки две соблюдать строгий режим дня. Никакой жирной пищи и алкоголя, минимум сладкого, а еще свежий воздух и никаких волнений.

Ледянская вздохнула, изображая покорность.

– Но как же это все выдержать, доктор? У меня столько волнений, столько эмоций, столько проблем, которые не дают расслабиться!

– Придется на время отложить их. Ничего не поделаешь, иначе от мигреней, бессонницы и кокаиновой зависимости избавиться не получится. – Родин заговорил с поэтессой, как с маленьким ребенком. – Ваш режим – залог вашего здоровья.

– А, понимаю. Ах, но столько волнений, столько...

– Ну же, чем меньше вы о них думаете, тем лучше.

– Хорошо, – торжественно кивнула Ледянская.

Пока Родин дописывал рецепт, Елизавета Николаевна резко сменила тему:

– Ну, раз уж нельзя о моих переживаниях, давайте поговорим о чем-нибудь еще. Георгий, я совсем не знаю, чем вы живете! До меня доходили какие-то удивительные слухи о ваших загадочных находках...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.